

НОВЫЙ ВКЛАД В ХЕТАГУРОВЕДЕНИЕ

А.Б. Мзюков

В статье анализируется вклад в современное хетагуроведение двух ученых из разных областей науки – историка-архивиста И.С. Бигулаевой и филолога-осетиноведа И.В. Мамиевой. Мотивация, объединяющая и стимулирующая научное творчество исследователей, выводится из двух факторов: субъективно-личностное осознание величия Коста Хетагурова и необходимость расширения диапазона исследований его жизни и творчества. Значимым итогом данной мотивации в одном случае явилось выстраивание на строгой научной основе биографии поэта как этапов духовно-нравственного становления творческой личности в пространстве истории. Путем скрупулезного, последовательного отыскания в архивах республики документальных подтверждений, их тщательного анализа и систематизации И.С. Бигулаева, наряду с уточнением и дополнением уже имеющихся в хетагуроведении биографических сведений, вписала много новых страниц, существенно расширяющих и обогащающих читательское восприятие личности поэта. Акцентируется особая тональность изложения как результат присутствия в исследовательской наррации эмотивной струи, подпитываемой «родовой» памятью автора о связях с Коста. Что касается научного вклада И.В. Мамиевой в современное хетагуроведение, то он связан с первым опытом лингво-, этно-, культуроведческого описания лексикона «Ирон фандыра» К. Хетагурова. Теоретическая новизна данного труда видится в выработке собственной концепции авторского словаря, в котором синтезированы элементы конкорданса, идеографического, двуязычного словарей с грамматическими характеристиками и частотным словником. Как своего рода исследовательская сверхзадача рассматривается авторская идея реконструкции национальной языковой картины мира человека «эпохи Коста», т.е. второй половины XIX в.: особенностей его менталитета, норм поведения, предметной и природной среды, бытовых обстоятельств и ценностных ориентиров. Содержание и структура означенных монографических трудов и ряда научных статей И.С. Бигулаевой и И.В. Мамиевой позволяют квалифицировать их как новое слово в хетагуроведении, отвечающее современному уровню развития междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: хетагуроведение, научная биография, архивный материал, лексикография, концепция авторского словаря, синтетический тип, концепт, междисциплинарное исследование.

In this publication the contribution to modern Khetagurov Studies of two scientists from different areas of science – the historian-archivist I.S. Bigulayeva and the Ossetian language philologist I. V. Mamiyeva – is analyzed. Two factors account for the motivation uniting and stimulating scientific works of these researchers: subjective and personal awareness of the greatness of Kosta Khetagurov and the need for expansion the range of research of his life and of his creativity. Its significant result, in one case, is on a strict scientific basis constructing the biography of the poet as the stages of spiritual and moral formation of the personality in historical space. By scrupulous, consecutive search in the Republic's archives of the documentary confirmations, their careful analysis and systematization, alongside with specification and addition, which are already available in the studies of the biographic data, I. S. Bigulayeva added many new valuable pages, thus significantly expanding and enriching reader's perception of the identity of the artist. The special tonality of a statement as result of presence in the scientific narrative of the emotive stream fed by "patrimonial" memory of the author's family bond with Kosta is highlighted. As for the scientific contribution of I.V.Mamiyeva to the modern Khetagurov Studies, it is connected with the first experience of the lingvo-, ethno-, culture- description of K. Khetagurov's lexicon of "Iron Fandyr". Theoretical novelty of this work lies in the development of original concept of the author's dictionary in which elements of

concordance, ideographic, bilingual dictionaries with grammatical characteristics and a frequency glossary are synthesized. As a kind of research most important task is considered an author's idea to reconstruct a language image of the world of the person of the "era of Kosta", i.e. the second half of the XIX century, namely: features of his mentality, standards of behavior, subject and environment, household circumstances and axiological scale. The contents and structure of monographic works of I. S. Bigulayeva and I. V. Mamiyeva allow to qualify them as the new word in Khetagurov's studies corresponding to the modern level of development of interdisciplinary researches.

Keywords: *Khetagurov studies, scientific biography, archive material, lexicography, concept of author's dictionary, synthetic type, interdisciplinary study.*

Наше время – время удивительных научных открытий и новых социально значимых для общества идей. С одной из них выступил на страницах республиканской газеты «Северная Осетия» известный ученый, этнограф и историк, автор многих трудов по материальной и духовной культуре осетин, – профессор Людвиг Чибиров. Он предложил создать в республике книжную серию по аналогии с известным проектом «Жизнь замечательных людей» (изд-во «Молодая гвардия») с рабочим названием «Замечательные люди Осетии» [1].

Украшением означенной серии, на мой взгляд, стала бы напечатанная в 2015 г. во Владикавказе новая научная биография основоположника осетинского литературного языка и осетинской литературы Коста Левановича Хетагурова (1859–1906) [2]. Имя ее автора, И.С. Бигулаевой, в ученых и литературных кругах Осетии мало кому известно. Сведения о ней удалось раздобыть лишь благодаря Н.Г. Джусойты, который долгие годы проработал с ней в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте имени З.Н. Ванеева. Отчасти помогла также информация из Интернета.

Ирина Степановна Бигулаева – видный ученый, профессиональный историк-архивист – окончила Московский государственный историко-архивный институт, много лет работала с документами, связанными с историей и культурой Осетии. Посвятила себя изучению жизни и творчества выдающихся личностей, культурных и общественных деятелей, просвети-

телей и просто патриотов Осетии. Первое научное ее исследование посвящено деятельности известного инженера и общественного деятеля Рутена Гаглоева (о нем ею написаны две научные монографии), следующее – Пира Джиеву, первому цензору рукописи «Ирон фандыр» К.Л. Хетагурова и, по словам самой Бигулаевой, «просто достойному человеку». Позднее на юге Осетии из печати выйдет другой ее научный труд – «Сердца, наполненные светом», книга о просветителях Южной Осетии – Гулиеве Ефиме, Санакоеве Нака, Санакоеве Ванка, Ханикаеве Ника, Кочиеве Бидзина, Абаеве Лади и других достойных людях. Сейчас ученый трудится над книгой о Гаппо Баеве, друге Коста и тогдашнем городском голове Владикавказа, замечательном человеке и талантливом писателе.

Одним словом, Ирина Степановна – это «ученый старой советской закалки, всегда и во всем она была ориентирована на максимально высокий результат», – так считает ее коллега, научный сотрудник ЮОНИИ Эльда Парастаева. Сама же Бигулаева часто повторяет: «Настоящий ученый должен отличаться широтой кругозора и всесторонне развитым мышлением, а если он дальше своей специализации и носа не кажет, он – псевдоученый, и ничего более» [3].

Казалось бы, что еще нового можно сказать о жизненных фактах и творческой деятельности осетинского поэта? Ведь, думалось мне, все уже давно известно, досконально изучено историками и литературоведами, исследующими

биографию и художественное наследие Хетагурова. Но прочитав книгу, перевернув с сожалением ее последнюю страницу, я сказал себе: «Такого Коста – простого человека, выдающегося поэта и общественного деятеля – я не знал. Какое это счастье, что есть возможность заново для себя открыть жизненную историю Коста Левановича, осмыслить по-новому многие факты его биографии, факты творческой истории хорошо известных нам произведений поэта».

Невозможно оторваться от книги, так захватывающе написана эта научная биография. Ирина Степановна считает, что книга о Коста – это главное исследование ее жизни. В предисловии к ней, в разделе «От автора», она пишет о своем первом знакомстве с поэтом и его творениями: «Коста в моей жизни присутствует с детства. Я хорошо помню, как мать нам часто грустно напевала «Додой» и «Сидзæргæс». Хоть я и выучила эти песни, но по малолетству я не понимала смысла первой из них, лишь механически воспроизводя ее. При звуках же второй у меня неизменно сжималось сердце от жалости к голодным и холодным детям, о которых повествовалось в песне. Одно то, как, казалось бы, простые слова ее задевали самые затаенные струны моей детской души, лучшее доказательство гениальности создавшего эти произведения поэта...» [2, 5]

В годы отрочества у автора книги выявились и другие связи с Коста Левановичем: «Мы часто гостили в родном селе моих родителей – Цунар – у дедушки и бабушки. На стене дедушкиной комнаты висела фотография Коста с дарственной надписью, сделанной самим поэтом, которая гласила: «Мæхи Габрушкæйæн. 1889 аз. Къоста». Габрушкой (Гаврилом) звали моего деда. Со временем фотография почернела от дыма и копоти находившейся там же печи, но подпись все еще можно было разобрать. Казалось бы,

какая связь между моим дедом и великим поэтом?! Дело в том, что мои предки были выходцами из села Цми Нарской котловины. Мой прадед – Аксо Бигулаев, будучи отцом большого семейства, из-за нехватки земли переселился в Южную Осетию. Только старший из его семи сыновей, Шамел, был среди тех, кто в 1870 году под руководством отца Коста Хетагурова – Левана Елизбаровича переехал жить в с. Лаба (Георгиевско-Осетинское) Кубанской области. Остальная часть семьи вместе с другими земляками-переселенцами – Хетагуровыми, Хасиевыми, Джиевыми, Мамиевыми – основали село Цунар, что означает «Цъус Нар» (Малый Нар), чтобы сохранить название села, из которого они были родом.

Мой дед часто бывал в Наре и Лаба, где он навещал своего брата Шамела. Там ему довелось общаться, причем довольно тесно, с Коста. Поэт очень тепло относился к Бигулаевым, называл их «Ме стыр мады æфсымæртæ», памятуя о том, что когда-то его предка Хетага, бежавшего от гнева своих братьев из Кабарды, приютили у себя представители этой фамилии и впоследствии, убедившись в его трудолюбии и порядочности, выдали за него одну из своих девушек» [2, 5-6].

Чтение вступления также занимательно, как и чтение самой книги, потому что здесь автор выявляет родственные и человеческие отношения, которые связывают ее с великим поэтом: «Дедушка до конца жизни сохранил особенности говора жителей Нарской котловины, то есть говора великого поэта. Нам, внукам, это было в диковинку, и мы передразнивали его. А он нас погонял тростью, подаренной Коста, чье имя было выжжено на ней. При этом дед приговаривал: «Ай, хæрæджы хъустæ, æз Къостайы ‘взагыл дзурын! Сымах та Дирбы ‘хæрджыты ‘взагыл!’» («Ай вы, ослиные уши, я говорю на языке Коста! А вы – на дирбском ослином языке!»).

Есть немало достоверных свидетельств об умении Коста общаться с детьми. Ирина Степановна добавляет новые штрихи к этой замечательной личностной черте поэта, повествуя о том, как Коста, будучи в более близких отношениях с братом деда, Шамелом, баловал сына последнего, маленького Гаврела: «...как-то, угощая мальчика конфетами, Коста передал ему тетрадь со своими стихотворениями, сказав при этом: “Чи зоны дае искуы бахъæуой” («Кто знает, когда-нибудь они тебе пригодятся»).

Гаврел, по документам – Гаврил Васильевич – стал инженером, возглавлял промышленные предприятия в Москве и Владикавказе. В 1937 году он был арестован. В их доме неоднократно производились обыски. Во время одного из них, все их имущество молодчики НКВД стали выбрасывать из окна во двор. День был дождливый, и вещи без разборки бросали в лужу <...> стихи (рукопись Коста – А.М.) уже нельзя было разобрать – чернила размазались от воздействия влаги, и драгоценная тетрадь... была безвозвратно утеряна» [2, 6].

Возможно, эта семейная история об утере бесценной реликвии и послужила зарождению авторского замысла, той цели, которую ставила И.С. Бигулаева, начиная свою трудоемкую и объемную работу по собиранию материала и написанию новой, во многом «архивной» биографии великого поэта: «Само собой разумеется, повзрослев, мое отношение к Коста изменилось. В первую очередь, изменился интерес к нему. Я ясно стала осознавать место поэта в осетинской культуре и общественно-политической жизни. Появилось желание глубже изучить его как личность. Но я не ограничивалась одними монографиями и другими публикациями, связанными с именем Коста. У меня возникло желание познакомиться самой с архивными материалами, касающимися жизни и деятельности

поэта. Надо сказать, что при этом я не преследовала цель когда-нибудь написать книгу о нем. Но по мере погружения в работу в архивах мне захотелось поделиться этим уникальным материалом с читателем» [2, 7].

Будучи архивистом-профессионалом, Ирина Степановна долгие годы плодотворно работала и разыскивала материалы и документы о Коста в различных архивах страны: в архиве ЮОНИИ, в Государственном архиве ГССР, в Российском государственном военно-историческом архиве (Москва), в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ныне Российский государственный исторический архив) и, конечно же, в архивах РСО-А – в Государственном архиве Северной Осетии и научном архиве СОИГСИ им. В.И. Абаева. Работа в архивах принесла ей большое моральное и душевное удовлетворение и даже позволила совершить научные открытия – в 1988 г. в личном архиве Рутена Гаглоева ею был обнаружен неизвестный до этого портрет Коста работы Игната Алдатова, написанный в 1896 г.

Автор фундаментального исследования о жизни Коста Хетагурова заявляет, что ее книга об осетинском поэте «не будет копией других книг, посвященных изучению жизни и творчества великого поэта», что самым трудным для нее было найти общую канву изложения, систематизировать и собрать воедино всю имеющуюся информацию о жизни и деятельности поэта с последующим четким и логическим ее описанием. Эта работа продолжалась в течение тридцати лет.

Действительно, приходится признать, что монография И.С. Бигулаевой содержит в своей основе малоизвестные сведения, которые «часто замалчивались, а то и были истолкованы необъективно», результатом чего явилось искажение ряда фактов биографии Коста. Автор справедливо считает введение в научный оборот

хотя бы одного, ранее неизвестного факта творческой биографии великого поэта чрезвычайно актуальным. Монография И.С. Бигулаевой состоит из предисловия «От автора», восьми глав и приложения. Первая глава «Происхождение фамилии Хетагуровых» знакомит читателя с основателем рода Хетагуровых, легендами, связанными с ним, сведениями Коста о своих родителях и их предках. Все это очень любопытно и неподдельно интересно. Я даже узнал, что невестка матери Коста – Марии Гавриловны (Гаусовны) – была из фамилии Мзоковых. Остальные главы – «Детские и школьные годы Коста», «Годы учебы в Петербургской Академии художеств», «Приезд Коста в родную Осетию», «Первая ссылка», «Херсонская ссылка», «История создания сборника», «Ирон фандыр» и «Последние годы жизни Коста» – описывают жизнь осетинского поэта так живо и скрупулезно, что удивляешься: неужели столько материалов хранилось в архивах втуне? Почти на каждой странице монографии по две-три, а то и пять ссылок на давно известные исследования о поэте или вновь открытые документы, обнаруженные в архивах научных учреждений.

Мы мало, можно даже сказать, почти ничего не знаем о *детских и школьных годах Коста*, а то, что знаем, не всегда точно и достоверно. Новая научная биография поэта детально документирует дату рождения поэта, причину и время смерти его матери Марии, период воспитания Коста в семье Чендзе, ее отношение к сироте, жизнь в доме отца после его женитьбы, взаимоотношения с Кызмидой Сухиевой – мачехой Коста, рождение сестры Ольги и связанные с этим обстоятельства (чрезвычайно любопытные и новые), обучение в Нарской школе и Владикавказской прогимназии, а после переселения отца в Кубанскую область – в Ставропольской гимназии на реальном отделении. Приведу только некоторые

факты этого периода жизни поэта, документально подтвержденные, только малые крупницы: «Коста стащил в прогимназии колокольчик, чтобы в Осетинской слободке после уроков поиграть с товарищами»; Коста не был прилежным учеником, бывал беспечен, рассеян, несобран, шаловлив, неусидчив в учебе; два раза в Ставропольской гимназии оставался на второй год обучения – в 4 и 5 классах; питал страсть к чтению и рисованию, литературный дар проявился рано, в первой пробе пера – несохранившемся рассказе «Зима» и стихотворных опытах тех лет; несмотря на частые проступки оставался всеобщим любимцем гимназистов и преподавателей.

И еще о двух главах хочется сказать особо. Первая – «История создания сборника «Ирон фандыр»». В ней обстоятельно рассматривается, почему Коста Хетагуров выбрал в качестве редактора бессмертной «Осетинской лиры» Гаппо Баева, какова была роль последнего в издании книги, а также роль Христофора (Пора) Зурабовича Джиеова, законоучителя Эриванской 1-й мужской гимназии в цензурировании сборника «Ирон фандыр»; освещаются обстоятельства ареста книги в связи с донесением начальника Терской области генерал-лейтенанта С.В. Каханова, ставшего главным инициатором обеих ссылок Коста. Сама история издания сборника «Ирон фандыр» читается так живо и захватывающе потому, что написана автором, основывающим свои выводы и о роли Гаппо Баева, и о роли Пора Джиеова на письмах Коста к ним и с опорой исключительно на документальные источники.

Книга «Осетинская лира» увидела свет 26 мая 1899 г., но Коста, бывший тогда в ссылке, узнал об этом только в начале июля. Об этом ему сообщил сторонний источник, а не сам Гаппо Баев. Получив и прочитав книгу, Коста пришел в ярость и негодование, т.к. в отсутствие автора

книги, руководствуясь благими намерениями, и Гаппо, и Пора «допустили ряд вольностей и серьезных отступлений от авторской рукописи, нарушив тем самым волю поэта». Автор книги справедливо подытоживает эту главу: «Эмоциональное и не вполне объективное восприятие Коста Хетагуровым зачастую вынужденных изменений текста рукописи, его раздражение и недовольство издателем (Г. Баевым) и цензором сборника (П. Джиоевым), объяснимые пристрастностью и иногда несколько эгоистичным желанием творческих натур непременно настоять на своем, извинительны еще и потому, что эти два человека, навлекшие на себя гнев поэта, в конце концов, знали, на что идут и, наверное, могли предугадать реакцию автора на результат всех их ухищрений, на которые они шли ради скорейшего издания книги. Гаппо, как никто другой, ясно понимал, что во многом благодаря гибкости, мудрости и осторожности Пора, душой болевшего за развитие осетинской литературы, книга Коста увидела свет. Пора был своего рода посредником между поэтом и властью держащими в лице Кавказского цензурного комитета и администрации Терской области и в этом качестве заметно преуспел, представив грозивший быть запрещенным к напечатанию сборник в выгодном свете, подчеркнув его достоинства, смягчив его недостатки политического характера, а кое-где и умолчав о них» [2, 227].

Жизнь сердца поэта, его взаимоотношения с женщинами, которых он любил, музы Коста – отдельная тема, которую автор по-новому осмысливает, перечитывая переписку поэта с Анной Поповой и Анной Цаликовой и сохранившиеся архивные материалы. И.С. Бигулаева считает, что «исследователи биографии поэта не были объективны и беспристрастны», когда писали о его взаимоотношениях с ними. «Это касается, например, определе-

ния места Анны Поповой в жизни Коста, которое нередко попросту игнорируется. Известный ученый Генри Кусов верно заметил: «Коста и Анна Попова – это написанные страницы первого серьезного любовного увлечения молодого осетинского художника и поэта» [2, 8].

«...Каждой любви поэта – каждой Анне – я нашла свое место. Роль главной музы исследователи отводили Анне Цаликовой, а к другой Анне – Поповой – относились пристрастно. Анна Попова была благосклоннее к Коста, причинила ему меньше сердечных огорчений, возможно, испытывала к поэту сердечную привязанность. Поэтому выправить эту несправедливую линию в истории жизни Коста, расставив все по своим местам, дать объективную правдивую картину жизни, происходящей тогда, – моя задача. Правда жизни, правда взаимоотношений поэта с его музами – ее должен знать каждый» [4], – так считает и этому принципу следует в своем повествовании автор.

На вопрос корреспондента газеты «Южная Осетия»: «В чем секрет «вневременности» Коста Хетагурова с вашей точки зрения?» Ирина Степановна дает исчерпывающий ответ: «Коста назван символом осетинской нации. Его многогранный гений актуален во все времена. Он всегда будет удивлять и блистать новыми гранями. О нем еще долго будут писать и писать, потому что творчество гения по-прежнему востребовано и созвучно душе каждого осетина. И это не случайно, ведь он был распространителем того, что мы называем “ирондзинад”. При этом развивая своим творчеством и общественной деятельностью национальное самосознание, он не переходит на какие-то националистические мотивы, которые мы наблюдаем у некоторых соседних народов. Равного Коста в Осетии не было, хотя после него пошла целая плеяда талантливых деятелей литературы, искусства и науки. Будущим поколе-

ниям еще предстоит внести свою лепту в изучение его наследия и постижение значения его личности» [4].

В этих словах, как и во всей книге, – сокровенная любовь и бесконечное почтение автора к Коста, преклонение перед его художественным гением, гражданским подвигом, явившим собой пример бескорыстного служения народу, его интересам, его будущему. Автор книги верна заветам Коста, которые, по ее мнению, мало просто помнить, ценить, чтить. «Важно каждодневными поступками утверждать те идеалы, которые составляли жизненное кредо поэта и ради торжества которых он не жалел ни времени, ни сил, ни здоровья. Не пожалел, в конечном счете, и самой жизни... Имя Коста будет жить, пока существует осетинский народ, а сам дух поэта будет жить при условии осмысленного существования его потомков» [2, 269].

При безусловно высокой оценке рецензируемого труда, хочу все же высказать ряд пожеланий его автору. Не совсем согласен с предложенным названием книги – «Коста Леванович Хетагуров: научная биография». В исследовании И.С. Бигулаевой так подробно и обстоятельно восстановлена картина жизни великого осетинского поэта, подчас по месяцам и дням, что имело смысл назвать его «Летопись жизни Коста Хетагурова» или «Неизвестный Коста».

На страницах книги читатель неоднократно встречается с термином «коставедение» («Я не тешу себя надеждой сказать новое слово в коставедении...» [2, 8]). По сложившейся в русском литературоведении традиции название науки о писателе обычно происходит от его фамилии. Поэтому целесообразно использовать в данном случае термин «хетагуроведение» по аналогии с «лермонтоведением», «шолоховедением», «газdanоведением» и пр.

В приложении к книге приятно видеть высказывания о Коста известных

людей, писателей и ученых. Но современному читателю их имена мало что говорят: Е. Адельберг, И. Абашидзе, Саид Гаибов, Б. Городецкий, В. Иванов, М. Исаев, И.К. Луппол, З. Салагаева, Л.П. Семенов, Н. Тихонов, А. Фадеев и др. Следовало дать сноски об авторах высказываний. И, конечно, очень помог бы читателю именной указатель, дающий краткую справку о лице, упоминающемся в монографии.

И последнее. Рукопись книги нуждается в хорошей редакции. Надеюсь, нового издания интересной книги И.С. Бигулаевой нам ждать недолго, а до этого необходимо текст качественно отредактировать и издать эту замечательную биографию достойным ее тиражом, чтобы как можно больше наших земляков могли с ней познакомиться.

Биография Коста Хетагурова, составленная И.С. Бигулаевой, была высоко оценена в Южной Осетии. В ноябре 2016 г. автору книги «за выдающиеся творческие достижения и значительный вклад в культуру Южной Осетии в области исторической науки» указом Президента Республики Южная Осетия Л. Тибилова была присуждена Государственная премия РЮО имени Коста Хетагурова. Книга заслуживает этой награды. Закрываешь последнюю ее страницу с чувством сожаления. Ведь расстаешься со ставшим тебе родным Коста. Эта книга – лучшее из всего, что написано о великом поэте. Спасибо автору за ее человеческий подвиг, за работу, сделавшую меня душевно и нравственно богаче, увереннее в жизни, вселившую в меня гордость за Коста, за родную землю, за ее талантливых людей.

Еще одна работа, связанная с именем Коста, базируется на современных тенденциях в сфере лексикографии. Попытки представить во всем своем богатстве и разнообразии лексический и грамматический состав бессмертной «Осетинской лиры» Коста Хетагурова предпринимались еще в советское время. Так,

ученым-лингвистом Заремой Хубецовой был опубликован в 1982 г. «Словарь языка «Осетинской лиры»» [5]. Научным редактором этого небольшого исследования стал известный ученый, знаток жизни и публицистики К.Л. Хетагурова к. филол. н. Владимир Цаллагов, а рецензентом – искусствовед Агудз Бациев. В словник указанного труда вошла лексика из произведений «Осетинской лиры» лишь на две начальные буквы осетинского алфавита – «А» и «Æ». Буква «А» представлена 132, а буква «Æ» – 192 вокабулами (всего 324 слова). Знакомясь со «Словарем...» З.Р. Хубецовой, сразу обращаешь внимание на существенный для изданий подобного рода изъян. Это – отсутствие толкования слов: из 324 приведенных единиц толкование лексического значения нами обнаружено только у 38 вокабул. Трудно сказать, по какой причине автор отказывается от подобного рода пояснений, лишь указывая в скобках количество использования слова и примерами из текста доказывая его наличие. Чуть ниже курсивом дается лексическая и грамматическая характеристика лексемы. Хотя в словнике разными цифрами обозначаются омонимы, лексические их значения также не приводятся. Все это затрудняет работу со словарем, ведь в нем нет алфавитного указателя используемых поэтом слов.

Итак, первая попытка создания словника языка «Осетинской лиры» Коста Хетагурова по указанным выше причинам в научном отношении оказалась крайне неудачной, а в практическом плане – малоиспользуемой.

И вот спустя тридцать один год осетинскому читателю и всем, кто интересуется творчеством Коста Хетагурова и кому близко его «пламенное слово», предложен совершенно новый словарь языка «Осетинской лиры» [6]. Его автор – Изета Владимировна Мамиева, к. филол. н., специалист в области отечествен-

ной филологии; ею написаны фундаментальные монографии о жизни и творчестве классика осетинской литературы Кудзага Дзесова [7; 8] и обобщающее закономерности становления и развития повествовательных форм в осетинской литературе изыскание энциклопедического характера [9]. Изета Владимировна, наряду с изучением актуальных вопросов осетинской филологии и фольклористики, занимается прикладными разработками для внедрения в систему вузовского и школьного образования республик Северная Осетия-Алания и Южная Осетия (программы, учебники, учебно-методические пособия и хрестоматии по осетинской литературе).

Прекрасно владея родным языком, И.В. Мамиева две последние монографии написала на осетинском языке («Курдиат рæстæджы тыхæвзарæнты»; «Дзырддæуæны: Автор æмæ хъайтары æмдæдис»). Этим поступком она подтвердила объективно существующую реальность: осетинский язык – это не только язык художественной литературы (рассказов, повестей, романов) и наш бытовой, разговорный язык, но это еще и язык научных трудов, исследований, статей. Чтение научных монографий Мамиевой убеждает нас в мысли, что существует осетинская терминологическая наука, что можно и нужно писать и публиковать научные исследования по литературоведению, критике, эстетике, лингвистике, языкознанию, истории, искусству на родном языке. Такие книги найдут и находят своих читателей, их ждут и с радостью читают, упиваясь красотой и мощью родного языка.

«Поэтическая вселенная К.Л. Хетагурова в словарном измерении («Осетинская лира»»)» – так назвала свой последний по времени написания научный труд И. В. Мамиева. Это первый в осетинской лексикографии опыт писательского словаря синтетического типа, в котором

блестяще реализован принцип интегрирования функций конкорданса, идеографического, двуязычного с грамматическими характеристиками и частотного словарей. Разностороннему осмыслению (лингво-, этно-, культуроведческий аспекты), с учетом лексической статистики, подвергается вокабулярный книги Коста Хетагурова «Осетинская лира». Тематическая классификация в исследовании И.В. Мамиевой ориентирована «на восстановление национальной картины мира – природно-предметного и субъективно-бытийного – в художественном преломлении классика осетинской поэзии».

Научным редактором словаря стала З.В. Канукова, д. и. н., видный культуролог и этнолог, директор СОИГСИ ВНЦ РАН, а рецензировала исследование А.Ф. Кудзоева, к. филол. н., доцент, зав. кафедрой осетинского языка и литературы СОГУ, один из лучших лингвистов республики.

Знакомство со словарем оставляет приятное впечатление: увесистый том сразу привлекает внимание читателя художественным оформлением: на обложке – портрет Коста Хетагурова на фоне звездного неба. Далее, на страницах форзаца, – космическое пространство с указанием конкретного локуса: созвездие Дракона – 18 час. 24 мин. 48E05' – это координаты звезды Коста. 15 октября 1999 года Международный звездный регистр присвоил это имя одной из звезд в созвездии Дракона, оно было внесено в список регистра в Швейцарии и записано в книгу, которая зарегистрирована в Регистрационной Палате в США. Эти сведения приятно удивляют читателя и из пространств космоса через две страницы переносят в поэтическую вселенную уже самого метра осетинской поэзии, в мир «Осетинской лиры».

Языковой словарь «Осетинской лиры» удивляет не только полиграфиче-

ским оформлением, но прежде всего – смысловой цельностью и логичностью построения. В структуру словаря органично вошли вводно-объяснительный компонент («Предисловие», справочные материалы: список помет и сокращений, «Содержание и структура словаря», два приложения) и основная (словарная) часть из 8-ми разделов. Неоценимую помощь читателю окажут вводные статьи «Структура словаря (макроструктура)», «Структура словарной статьи (микроструктура)» и «Текстовые иллюстрации», прочитав которые, у читателя больше не возникнет вопросов, как работать с данным справочным изданием. Автор словаря систематизировал и организовал исследуемый материал таким образом, что все в нем продумано и предусмотрено до мелочей.

«Осетинская лира» Коста Хетагурова как отражение национального образа мира» – так ярко и емко озаглавлено предисловие к словарю. Автор в нем обращает наше внимание на отличительную черту современной лексикографии, которая, по мнению специалистов, является собой синтез филологии и культуры в широком смысле слова. Именно потому, считает Мамиева, «особую актуальность в наши дни приобретают авторские словари, репрезентируемые в науке как лексикографическая интерпретация художественного языка – составной части национального языка» [6, 7].

Отсюда и цель работы, которая определяется как «отражение языка «поэтической вселенной» К. Хетагурова, «чей творческий гений мощно содействовал также обогащению и совершенствованию элементов общенародного осетинского языка, придания ему статуса литературного». Называя появление книги «Осетинская лира» творческим подвигом и выдающимся подвижническим актом К. Хетагурова, исследователь всецело разделяет мнение писателя Анатолия

Дзантиева, справедливо считая именно этот сборник стихов поэта своего рода Библией, «книгой книг, в которой запечатлена бессмертная душа осетинского народа» [6, 9].

Актуальность изучения словарного состава «Осетинской лиры» обусловлена, по мнению Мамиевой, рядом факторов: во-первых, это раскрытие поэтических тайн Коста, постижение индивидуально-авторских его находок, что важно само по себе; во-вторых – возможность реконструирования языковой картины мира осетина второй половины XIX в., выведения «свода его знаний и представлений о нормах и правилах поведения, предметном и природном окружении, бытовых реалиях и ценностных предпочтениях».

Названия разделов монографии говорят о богатстве словарного состава «Осетинской лиры» и о той колоссальной работе, которая была проделана автором исследования. Разделы представляют разнообразную лексику и охватывают ключевые категории и понятия сферы взаимодействия природы и человека:

I. Вещества и явления в окружающем мире.

II. Растения.

III. Животные.

IV. Человек как биосоциальное и духовное существо.

V. Лица. Персонажи. Имена.

VI. Сверхъестественные существа.

VII. Время.

VIII. Локативы.

В силу невозможности дать в рамках данной публикации аналитическую оценку содержанию каждого раздела словаря, остановимся более подробно на IV главе «Человек как биосоциальное и духовное существо», состоящей из восьми рубрик и представляющей большой научный интерес. Внутри раздела – множество под-рубрик, каждая из которых дробится на ряд тем, подтем, микротем с совмещени-

ем в них принципов алфавитного и смыслового расположения слов-понятий. Так, например, рубрика «Соматизмы» имеет 4 подтемы: «Анатомия головы и шеи», «Части тела», «Внутренние органы», «Кожа, производные кожного покрова...». Рубрика «Бытовой вокабулярий. Вещно-предметный мир человека» делится на 6 подтем: «Хозяйственные приспособления, орудия труда, охоты и сражения», «Домашний интерьер. Предметы быта», «Культовые предметы», «Одежда. Обувь», «Аксессуары и украшения», «Сырье и материалы для шитья». Другая рубрика – «Продукты питания» – включает также 6 подтем: «Еда и питье: общие наименования», «Распорядок питания», «Кушанья и напитки, ингредиенты», «Продукты животного происхождения», «Овощи. Фрукты», «Дары леса».

Даже этот бегло представленный перечень рубрик и подтем только IV раздела дает возможность неискушенному в науке читателю представить все многообразие и богатство языка хетагуровской книги, всю лексическую палитру бессмертного сборника.

В качестве примера возьмем только одно слово. Для лексемы 'зæрдæ' (37) – сердце – приводятся все 37 случая частотности употребления, а также контекстные сочетания и идиоматические (фразеологические) выражения с этим словом. В данном случае их девять: 'зæрдæмæ хæссын' – принимать близко к сердцу; 'зæрдыл æрæфтын' – вспомнить; 'зæрдæ дард ласын' – сторониться, отдалиться; 'зæрдыл дарын' – помнить; 'зæрдæ скъахын' – нанести обиду, ранить в сердце; 'зæрдæ сдзæгъæл уын' – впасть в отчаяние; 'зæрдæ бахъазын' – испытать влечение к чему-либо, к кому-либо; 'зæрдæ зæгъын' – желать, хотеть; 'зæрдæ нал фæлаууын' – не утерпеть, не устоять.

Заметим, кстати, что на базе данного словаря его автором предпринят ряд когнитивных штудий, демонстрирующих

комплексный подход к исследованию лексикона Коста с применением аналитического аппарата лингвоконцептологии и методов современного литературоведческого анализа [10; 11; 12]; в их числе и проблема художественного своеобразия концепта *зарда*, его языковой и образной репрезентации [13]. Особый интерес представляют выводы Мамиевой относительно наличия специального микроцикла во внутренней структуре сборника «Осетинская лира», в котором нашли поэтическую реализацию идеи народнической теории П. Л. Лаврова [14], а также интерпретация ею феномена компетенции слепца-сказителя в художественном сознании осетин, в поэзии Коста в частности [15]. Впрочем, системный интерес исследователя к творчеству К. Хетагурова обозначился гораздо раньше, результатом его стали, например, статьи по истории изучения «Всати», произведения, вызвавшего в свое время бурные дискуссии в осетинской критике [16; 17]; концептуально новый взгляд высказан Мамиевой и на проблему интертекста поэмы «Фатима» [18; 19]. Вне внимания ученого не остался также методический аспект изучения творчества К. Хетагурова [20].

Возвращаясь к характеристике Словаря, отметим, что субстантивная лексика словника свидетельствует о большой текстологической работе, проделанной автором-составителем, о тщательном прочтении художественных текстов осетинского поэта, о пристальном внимании к деталям и особенностям быта, взаимоотношениям людей, обычаям, нравам, религиозным верованиям, психологии горцев, особенностям их одежды, мебели, видам передвижения, убранству жилища, еды, напитков, досуга, украшений, т.е. ко всему тому, что составляет национальное своеобразие осетинского народа. Это во многом облегчит читателю восприятие произведений классика осетинской ли-

тературы, прояснит смысл архаизмов в художественном тексте, укажет на индивидуально-авторское словоупотребление, нехарактерные смысловые оттенки, придаваемые поэтом общеупотребительным словам и выражениям. В подтверждение сказанного приведем здесь только некоторые примеры: *'афсургъ'* – чудесная порода коней (в эпосе, мифологии), *'зыгуым'* – мякина; *'къаелат'* – дуга; изогнутая в дугу палка, надеваемая на шею быка, коровы; *'маехъи'* – плетенка из березовых прутьев под копыта сена; *'уардаех'* – бечевка, веревка из хвоста; *'идон'* – уздечка; *'ерадзыпп'* – вид ружья, высоко ценимый в старину; *'хъримаг'* – кремневое ружье; *'санар'* – кизяк; *'кафой'* – плетеная в виде большого совка корзина для загребания зерна; *'къаессата'* – мешки кожаные; *'къуыстилта'* – кадушки для ношения воды, сбивания масла; *'хандыг'* – кадка для сыра в рассоле; *'теман'* – большая игла, шило; *'арчъитат'* – обувь из сыромятной кожи; *'фаасал'* – стелька из сухой травы в горской обуви; *'цухъхъа'* – черкеска; *'кардан'* – женский головной платок; *'дари'* – вид шелковой ткани; *'нымат'* – войлок, бурка; *'тинтычъи'* – козий пух; *'арахъхъ'* – самогон; *'бламышъ'* – мучная болтушка; *'задын'* – лепешка из солодовой муки; *'хабизджын'* – пирог с начинкой из свежего сыра; *'мус'* – овин, ток, гумно; *'уаылыгас'* – пастушок ягнят и козлят; *'ирад'* – калым и др.

Словарь языка писателя богат и идиоматическими выражениями с ярко выраженной национальной окраской: *'арта фаендаджи ныхма'* – напротив трех дорог; *'авд хохы фагста'* – за семью горами; *'авд даелдзахы бын'* – под семью подземельями; *'карды комай хид'* – мост по лезвию ножа; *'фыдаей-фыртма'* – во все времена; *'цасты тъабартт'* – в мгновение ока; *'лаптуийа базарондма'* – от юности до старости; *'сомы каънын'* – клясться, божиться; *'додой да къона!'* – горе твоему очагу и др.

И.В. Мамиеву как исследователя отличает особенная дотошность и забота о пользователе ее словаря, в нем все до мелочей, хочу это еще раз подчеркнуть, продумано и выверено. К словарю даны два приложения. Первое – «Номенклатура этнокультурной лексики по рубрикам» – насчитывает 1.170 слов и содержит ссылки на основной текстологический источник словника – академическое издание «Осетинской лиры» Коста Хетагурова под редакцией профессора Ш.Ф. Джикаева (Т. I. – Владикавказ, 1999). Второе – «Алфавитный указатель общей частотности лексем» – охватывает 1.055 вокабул и ориентирует читателя на страницы самой книги. Оба приложения в практическом плане незаменимы при работе над содержанием словаря.

Словарь «Осетинской лиры» Коста Хетагурова задуман его составителем в двух томах. Автор мотивирует это большим объемом информации, но большей частью – принципами отбора языкового материала: «Чтобы охватить и описать весь словарный материал «Осетинской лиры», необходимо, во-первых, дифференцировать регистрируемые в словнике языковые единицы по различным лексико-грамматическим разрядам, а это, в свою очередь, выдвигает перед исследователем задачу выработки в каждом отдельном случае адекватных методов и способов представления лемм и, разумеется, соответствующей структурной организации» [6, 12].

Второй том словаря введет в оборот оставшиеся пласты лексики (разделы «Атрибутивы», «Действия», «Числа»), пополнится Сводным указателем этнокультурной лексики К. Л. Хетагурова, в котором планируется сгруппировать лексемы в порядке убывания частоты, с указанием абсолютного количества их употребления.

Итак, первый том словаря «Поэтическая вселенная К. Л. Хетагурова в сло-

варном измерении («Осетинская лира»)» описывает те случаи словоупотребления, которые «отвечают тематической классификации, ориентированной на воссоздание национальной картины мира – природно-предметного и субъектно-бытийного – в поэтическом преломлении Коста Хетагурова». Надо признать, что задача, стоявшая перед исследователем – сосредоточить свое внимание преимущественно на субстантивной лексике, а это в основном выборка из 50 стихотворных текстов – более чем успешно реализована в лексиконе.

Нисколько не умаляя достоинств и значимости уже вышедшего из печати словаря, хотелось бы высказать несколько пожеланий автору. Представляется целесообразным, чтобы в заглавном слове толкуемых лексем наличествовало ударение и в форме единственного, и в форме множественного числа, например: 'баста́' – 'бо́ста', 'рон' – 'ра́ттá', 'кьæри́д' – 'кьæри́дтæ', 'дзáума' – 'дзáуматæ' и т.п.

Отдельные словарные статьи требуют уточнения и дополнения в толковании, в частности, слова 'теман' – шило, 'кьæри́д' – отрепья и пр.

Этнокультурологическая лексика, отображающая быт, жизненный уклад, обычаи и нравы осетинского народа, представленная в сборнике Коста Хетагурова, мало, а иногда и вовсе незнакома современному осетинскому читателю. В словаре она толкуется только по-русски. Считаю, что такие слова имело смысл толковать и средствами родного языка. Это во многом облегчило бы осетинскому читателю восприятие произведений К. Хетагурова, понимание им реалий жизни XIX в., расширило бы его кругозор.

Монографические исследования И.С. Бигулаевой и И.В. Мамиевой, посвященные жизни и творчеству великого осетинского поэта и языковому космосу

его бессмертной «Осетинской лиры», по нашему мнению, представляют значительный вклад в хетагуроведение. Таких фундаментальных трудов, так серьезно и скрупулезно рассматривающих обстоятельства жизни, творчества и общественной деятельности поэта, а также особенности языковой стихии его сборника «Ирон фандыр», в осетинском литературоведении еще не было. По сути,

это новое слово в науке об основоположнике осетинского литературного языка и художественной литературы Коста Левановиче Хетагурове. Ценность их еще и в том, что они способны послужить для молодых языковедов и литературоведов, историков и искусствоведов, этнографов и культурологов стимулом к новым изысканиям в области поэтического наследия Коста Хетагурова.

1. Чибиров Л. Кто возьмет в свои руки ЖЗЛ? // Северная Осетия. 2017. 1 марта. № 34.
2. Бигулаева И.С. Коста Леванович Хетагуров: Научная биография. Владикавказ, 2015.
3. Гергаулова А. Ирина Степановна Бигулаева: «Пока живет наш этнос, Коста будет с нами» // Южная Осетия. 2016. 29 октября. № 141.
4. Тибилев И. Вышла книга Ирины Бигулаевой о Коста Хетагурове // Южная Осетия. 2014. 11 ноября. № 158.
5. Хубецова З.Р. Словарь языка «Осетинской лиры». Орджоникидзе, 1982.
6. Мамиева И.В. Поэтическая вселенная К.Л. Хетагурова в словарном измерении («Осетинская лира»). Владикавказ, 2013.
7. Мамиева И.В. Кудзаг Дзесов: Очерк творчества. Владикавказ, 1990.
8. Мамиева И.В. Талант в испытаниях времени: Жизнь и творчество Кудзага Дзесова. Владикавказ, 2007. (на осет. яз.)
9. Мамиева И.В. В поисках слова: Автор и герой: динамика взаимоотношений. Владикавказ, 2008.
10. Мамиева И.В. «Осетинская лира» К.Л. Хетагурова как отражение национального образа мира // Перспективы и особенности и интеграционных процессов Северной и Южной Осетии: Материалы международной научной конференции. Владикавказ, 2014. С. 109-116.
11. Мамиева И.В. Номинативно-метафорическое поле концептов *ум* и *безумие* в фольклорных сюжетах «Осетинской лиры» Коста Хетагурова // Всероссийские Миллеровские чтения. 2016. № 5. С. 428-437.
12. Мамиева И.В. Концепты умственной сферы в творчестве К.Л. Хетагурова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 1. С. 95-104
13. Мамиева И.В. Художественный концепт *Зæрдæ / Сердце* и его лексико-семантическая репрезентация в поэзии К.Л. Хетагурова // Коста и мировой историко-культурный процесс: Сборник материалов Международной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2014. С. 127-145.
14. Мамиева И.В. Феномен компетенции слепца-сказителя в осетинской литературе // Нартоведение на рубеже XX—XXI вв. 2015. № 3. С. 182-191.
15. Мамиева И.В. Лавровский «след» в осмыслении К.Л. Хетагуровым проблемы

интеллигенции и народа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 3. С. 137-142.

16. *Мамиева И.В.* «Всати» Коста Хетагурова: к истории изучения // Коста Хетагуров: 140 лет со дня рождения: Тезисы Международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Коста Хетагурова. Владикавказ, 1999. С. 52.

17. *Мамиаты И.* Хетæгкаты Къостайы «Всати» ирон критикæйы // Венок бессмертия: Материалы международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Коста Хетагурова. Владикавказ, 2000. С. 142-152. (на осет. яз.)

18. *Мамиева И.В.* А.С. Пушкин и К.Л. Хетагуров (к проблеме литературного влияния в поэме «Фатима») // Вторые Владикавказские Пушкинские чтения: Пушкин и мировая литература на рубеже XXI века: Материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию юбилею А.С. Пушкина. Владикавказ, 1999. С. 70-75.

19. *Мамиева И.В.* Поэма К. Хетагурова «Фатима» сквозь призму интертекстуальных включений // «Литература в диалоге культур – б»: Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2008. С. 143-144.

20. *Мамиаты И.* Поэзи æмæ ахорæнты дуне Хетæгкаты Къостайы сфæлдыстады // Мах дуг. 2010. № 10. С. 115-132. (на осет. яз.)